

Марк Гуллик

Построена на рабстве: философия Эпиктета

Оригинал: Mark Gullick: Built on Slavery: The Philosophy of Epictetus

Источник: <https://counter-currents.com/2023/04/built-on-slavery-the-philosophy-of-epictetus/>

Перевод с английского, 2023 г. На русском языке публикуется впервые!

Эпиктет, как его представлял себе английский художник восемнадцатого века.

Сократ не находился в тюрьме, – он ведь находился там не противясь.

Эпиктет

Я свободен.

И свобода имеет вкус реальности.

группа The Who

Мы должны поговорить о рабстве. Видит бог, это не та тема, о которой мы часто слышим в наши дни. Это моя доза иронии, а теперь немного истории. Если бы вы были сегодня в школе или колледже на Западе, то вы бы знали, что рабства не существовало до тех пор, пока человек по имени Джим Кроу не заставил своих людей – возможно, Ку-клукс-клан или предков Дональда Трампа – отправиться в Африку, заковать там в цепи чернокожих, а затем вернуть их в Америку, чтобы заставлять их там собирать хлопок и линчевать. Это построило Америку, и песни негров, трудящихся на хлопковых полях, были первыми такими песнями, которые когда-либо исполнялись. Видите ли, негры – единственные люди, которые когда-либо были рабами, точно так же, как евреи – единственные люди в истории, которых убили сторонники тоталитарного государства.

Но один раб, родившийся через два десятилетия после смерти Христа, пел гораздо более раннюю песню, в которой разум и благоговение сочетались в равной мере задолго до того, как Святой Фома Аквинский попытался выполнить ту же задачу. Этот раб сказал: «Я – обладающий разумом: я должен воспевать бога. Это – мое дело, я делаю его и не оставлю это место в строю, насколько будет дано, и вас к этой же песни призываю».

Эпиктет родился в 55 году нашей эры на территории современной Турции. Он был рабом, когда прибыл в Рим, и, возможно, вдохновляя его более поздний стоицизм, его хозяином был вольноотпущенник Епафродит, который сам был бывшим рабом хозяина, чье домашнее окружение, возможно, несколько нормализовало насилие, ибо этим хозяином был Нерон. Епафродит, согласно рассказу Цельса, сломал Эпиктету ногу, из-за чего тот хромал всю оставшуюся жизнь. Эпиктет предупредил своего хозяина, что тот сломает ему ногу во время жестокого избиения, и когда это, наконец, произошло, действительно сказал: «Я же тебе говорил». Возможно, это было духовное рождение стоицизма.

Может быть, эта нероновская жестокость вызвала у Епафродита приступы вины, потому что он позволил Эпиктету изучать философию у стоика Мусония Руфа, а со смертью Нерона раб был освобожден и продолжал преподавать стоическую философию в Риме в течение четверти столетия.

Три ведущих члена школы стоиков представляли собой спектр социального класса. Марк Аврелий был одним из самых мудрых и любимых римских императоров, Сенека был консулом и драматургом, а Эпиктет был рабом. Эпиктет в конечном счете заслужил неодобрение императора Домициана, его преступление заключалось в защите противников Домициана, и был сослан в Никополь на северо-западе Греции. Его ученик Арриан записал лекции, известные как «Беседы». Эпиктет также оставил «Энхиридион», или «Краткое руководство к достойной жизни», и оба эти труда доступны в виде электронных книг

за небольшую плату. Это понравилось бы Эпиктету, так как он считал, что мудрость требует очень небольших финансовых затрат.

Я уже бил в этот барабан раньше, но любой человек, плохо знакомый с философией, или тот, у кого есть ребенок, еще плохо знакомый с философией, должен, по моему мнению, начать со стоиков. К философии нелегко подступиться, ее часто рассматривают как нечто монолитное, как стандартизированный способ оценки мира, который генетически путешествует из поколения в поколение, как карие глаза или узоры на крыльях бабочки. Это не так. Скорее, у философии есть свои скачки, взлеты и падения, процессы развития и деградации. И часто предполагается, что у философии есть *progressus*, прогрессивная линия развития, совпадающая с дарвиновской эволюцией, где улучшение принимается как константа, как и в других дисциплинах. Например, если вы инженер-строитель, вам может быть интересно прочитать о методах великого английского строителя мостов восемнадцатого века Томаса Телфорда, но только в качестве антиквариата, ради чисто исторической ценности. Если вы на самом деле строите мост, то вам следует читать свежую литературу. Однако это совершенно не относится к философии.

Как философия стоицизм частично метафизичен, но также и гуманен в том смысле, что он практичен, социален и общинен. У Эпиктета есть превосходный совет для таких людей, как я, склонных предаваться метафизическим занятиям в ущерб более практическим заботам: «Если то, что тебя очаровывает, – это не что иное, как абстрактные принципы, сядь и спокойно перебери их в уме: но ни в коем случае не называй себя философом».

Эпиктет, будь он жив сегодня, и если бы еще существовали такие вещи, как книжные магазины, вероятно, нашел бы свои работы в разделе книг по самопомощи. На самом деле я заметил, что в десятке как правило самых убогих философских бестселлеров на *Amazon* обычно есть своего рода сборник стоических изречений. Это может быть только хорошо. Сочинения стоиков гномичны и афористичны. Здесь нет устрашающих гегелевских или кантианских лабиринтов, которые приходится преодолевать.

Эпиктет берет за образец Сократа, точно так же, как христиане взяли в качестве примера для себя Христа, а мусульмане Мухаммеда. Он признает в этом афинянине – он редко упоминает Платона – то, что я назвал (и, несомненно, другие тоже так называли) «сократическим смирением». Эпиктет пишет – или, вернее, говорит, поскольку «Рассуждения» – это записи его лекций: «Если человек хочет заниматься философией, его первая задача – избавиться от тщеславия».

Эпиктет, без сомнения, рассматривает бедность и скромность Сократа через призму собственного рабства, которое представляется стоицизмом точно так же, как корь представляет собой красные пятна. В настоящее время, конечно,

у нас есть *умма* благополучно обеспеченных, но недовольных чернокожих, утверждающих – они все так утверждают – что они потомки работников на полях, которых жестоко избивали плетью. Мы должны поблагодарить Эпиктета хотя бы за то, что из рабства может выйти что-то конструктивное, помимо нытья о компенсациях. Стоицизм остается в нашем сознании сегодня и имеет смысл, который не могут изменить даже «воукнутые» («проснувшиеся») вредители.

Само название «стоик» происходит от древнегреческого термина *stoa poikile*, обозначающего буквально «Расписной портик», здание в Афинах, в котором собирались ранние школы, позже связанные со школой стоиков. Однако слово «кинники», обозначающее другую великую классическую философскую школу, основанную Антисфеном и развитую и укрепленную более известным Диогеном, произошло от *kinukoí*, древнегреческого слова, обозначающего собаку. Собака и портик, т. е. крыльцо: все это звучит очень по-среднеамерикански 1950-х годов. И, возможно, 1950-е годы – сначала в Соединенных Штатах, а затем, как всегда, в их верной дворняжке Европе – были последним моментом, когда Запад мог претендовать на что-то вроде стоицизма. Ибо 1960-е годы зажгли фитиль недовольства всеми достижениями белого Запада. Цинизм восторжествовал, а стоицизм как живое философское отношение становится все сложнее и труднее, когда вы не можете принять то, что жизнь вам подбрасывает, потому что вам говорят, что у вас есть право не принимать то, что вам подбрасывает жизнь. Но это делает стоицизм теперь философски более, а не менее важным. Никогда не читайте философию, которая идет в ногу со временем; не сейчас. Стоики становятся новым «самиздатом».

У меня есть три правила для тех, кто занимается философией впервые, или для тех, у кого есть ребенок, делающий то же самое, и если вы проигнорируете их, то делаете это на свой страх и риск. Во-первых, не берите себе какую-либо «Историю западной философии». Это все хорошие книги, но только если вы уже знаете что-то об истории данной дисциплины – а это именно научная дисциплина – и хотите соединить точки и увидеть историю возникновения этого предмета. Если вы используете одну из этих книг – а их много и хороших – в качестве введения, для первого знакомства с темой, то течение будет слишком сильным, и вы больше не сможете плыть против этого течения. Вы должны обратиться к текстам первоисточников, что подводит меня ко второму правилу.

Не начинайте с трудов, которым меньше 2000 лет. Классическая философия была не о системе, а о капризах повседневной жизни. Она гораздо ближе к доступному для понимания экзистенциализму, чем строгие фолианты, созданные Западом, начиная со Святого Фомы Аквинского, и философия слишком пугающая, если вы сходу нырнете прямо в эмпиризм или метафизику.

Мое последнее замечание касается связей с общественностью стоиков: «Размышления» (также известные под общим названием «К самому себе») Марка Аврелия – мягкие и осенние, мудрые слова мудрого человека, ставшего мудрым императором. Письма Сенеки к Луцилию, возможно, именно потому, что это письма, отличаются зрелым дружелюбием и любезным участием в проблемах, с которыми каждый человек сталкивался тогда и все еще сталкивается сейчас. Тема Сенеки всегда состоит в том, как лучше всего подходить к жизни, чтобы сделать ее менее утомительной, чем она обычно бывает. И не быть рабом того, что на самом деле тебя не поработает, одним из которых является стремление самому стать рабовладельцем, будь то в переносном или буквальном смысле. Снова слова Эпиктета: «Ты избегаешь рабства – так остерегайся поработать других!»

Что же касается поклонения богатству, то, возможно, сегодняшнему политическому классу следует читать Эпиктета и, возможно, величайшее отрицание алчности во всей философии: «У тебя вещи – золотые, но разум, мнения, согласия, влечения, стремления – глиняные».

Как указывалось во многих классических текстах, и не в последнюю очередь в Библии, рабство денег, возможно, является самым угнетающим рабством из всех, и свободный человек не свободен, если его хозяин сделан из золота. «Не обнимай статуи», – пишет Эпиктет.

Свобода едва ли является концепцией, неизвестной философии, и она не ограничивается спором между сторонниками свободы воли и сторонниками детерминизма (а стоики в целом были детерминистами). Дебаты шестнадцатого века между Эразмом и Лютером являются примером этого. Но есть и физическая свобода. Жан-Поль Сартр превосходно описал человека как «приговоренного к свободе», но, возможно, ему не хватало перспективы. Эпиктет писал о свободе как бывший раб, Сартр – как человек, который ни дня в своей жизни не провел в неволе (и, вероятно, ни дня в своей жизни не работал), если только о Симоне де Бовуар нам кое-что не говорят.

Эпиктета читать легко и приятно. Здесь нечего пережевывать, как у Сенеки и Марка, но есть чем насладиться. Некоторые советы носят специфически социальный характер, как, например, когда Эпиктет советует нам не проявлять тщеславия в разговоре:

В компании избегай частых и неуместных разговоров о собственных действиях и опасностях. Как бы приятно тебе ни было рассказывать о том, на какой риск ты пошел, другие могут не найти такого удовольствия в том, чтобы слушать о твоих приключениях.

Ясно, что я не могу говорить за вас, дорогой читатель, но я узнаю в этом мягком предостережении воспоминания как о том, как я был в компании других, делающих именно то, против чего здесь предостерегают, так и о том, что я и сам делал то же самое.

Эпиктет прожил долгую жизнь, он умер в возрасте 80 лет, и, возможно, многие его произведения утеряны. Это великая дыра в памяти, которую мы никогда не сможем избежать, когда дело доходит до классической античности. Но то немногое, что он оставил нам, будет гораздо полезнее для читателя, особенно новичка в философии, чем то, что считается современной дисциплиной. Мы все знаем, что нет ничего неизбежного, кроме смерти и налогов, как выразился очень практичный Бенджамин Франклин, но кое-что еще было болезненным для античного интеллекта – судьба (хотя и не такая ужасная), которую Эпиктет разделил со своим товарищем-стоиком Сенекой:

Смерть и изгнание и все, что вызывает страх, пусть будет у тебя ежедневно перед глазами, в особенности смерть – ибо так ты никогда не станешь думать ни о чем низком и не пожелаешь ничего сверх меры.

Библиотека Велесова Слобода, 2023 г.